ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Т. ЛЬВОВЪ.

Права человѣка и гражданина.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.

1906

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Т. ЛЬВОВЪ.

Права человѣка и гражданина.

ИЗДАНІЕ В. Львова.

МОСКВА.

1906

ЛИТЕРАТУРА.

ЕЛЛИНЕКЪ. Декларація правъ человѣка и гражданина.

ДАЙСИ. Основы государственнаго права Англіи.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ. Ученіе о личныхъ правахъ. (Русская Мысль, апрѣль 1905 г.).

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВЪ. Конституція и гражданская свобода (сборникъ статей „Конституціонное государство", изданіе Гессена и Каминка).

Б. А. КИСТЯКОВСКІЙ. Права человѣка и гражданина. (Вопросы Жизни, январь 1905 г.).

ТЕКСТЫ КОНСТИТУЦІЙ. (Переводъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ).

ВИЛЬСОНЪ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій.

Типогр. О-ва Распр. Пол. Кн., аренд. В. И. Вороновымъ. Моховая, д. кн. Гагарина.

Права человѣка и гражданина.

I.

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1789 году, во Франціи произошло великое событіе: Французское Учредительное Собраніе, составленное изъ представителей французскаго народа и собравшееся, чтобы дать странѣ новыя учрежденія и выработать основные законы государства, провозгласило такъ называемую Декларацію (то-есть объявленіе) правъ человѣка и гражданина, въ которой было изложено и объявлено, какія права обязано признавать государство за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ и гражданиномъ. Что же побудило Французское Учредительное Собраніе раньше, чѣмъ издать Основные Законы государства—то-есть такъ называемую Конституцію, провозгласить свою знаменитую Декларацію? А причины были такія...

Къ концу восемнадцатаго вѣка абсолютная, неограниченная, французская монархія потеряла довѣріе и уваженіе народа. Это произошло оттого, что въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій французскіе короли, высшее французское дворянство и высшее духовенство, захвативъ въ свои руки почти всѣ земли Франціи, получили возможность всячески разорять французскій народъ и довели его въ концѣ концовъ до ужасной нищеты. Но къ концу восемнадцатаго вѣка обнищавшій народъ уже не былъ въ состояніи покрывать всѣ безумные расходы королевскаго двора и французской знати. Страна была разорена и глухо стонала подъ тяжестью непосильныхъ поборовъ и притѣсненій. Въ то же время дворяне не хотѣли и думать о сокращеніи своихъ расходовъ. Король же съ

своей стороны уже не былъ въ состоянiи что-либо дать дворянству, такъ какъ и онъ и французская знать черпали свои доходы изъ одного источника, изъ кармана обнищавшаго и голодавшаго народа; а оттуда взять уже было нечего, потому что было взято все. Тогда недовольные дворяне отшатнулись отъ своего короля и потребовали, чтобы онъ созвалъ *генеральные штаты*, то-есть представителей отъ всѣхъ французскихъ провинцiй, чего уже французскiе короли, привыкнувъ самовластно и безнаказанно управлять государствомъ, не дѣлали около 200 лѣтъ. При этомъ французскiе дворяне разсчитывали, что имъ удастся, выхвативъ власть изъ рукъ короля, поправить свои расшатанныя денежныя дѣла и вновь получить возможность черпать свои доходы изъ народныхъ средствъ.

Во Францiи Генеральные Штаты состояли изъ представителей отъ духовенства, изъ представителей отъ дворянства и изъ представителей отъ такъ называемаго третьяго сословiя. Третье сословiе включало въ себя самыя разнообразныя части населенiя; здѣсь были промышленники, купцы, банкиры, ремесленники, крестьяне, часть мелкаго дворянства и мелкаго духовенства и масса безработнаго городского и сельскаго населенiя. Вотъ съ этимъ-то третьимъ сословiемъ и пришлось столкнуться французской знати. Всѣ принадлежащiе къ третьему сословiю терпѣли такъ или иначе отъ привилегированныхъ классовъ—духовенства и дворянства, и они всѣ соединились вмѣстѣ, чтобы дать отпоръ привилегированнымъ и положить конецъ ихъ хозяйничанью въ государствѣ. Поэтому представители третьяго сословiя объявили, что, такъ какъ они являются представителями отъ большинства населенiя, то и безъ представителей привилегированныхъ они могутъ составить нацiональное собранiе. А уже черезъ нѣкоторое время нацiональное собранiе объявило себя учредительнымъ, для того чтобы дать новыя учрежденiя своей странѣ, и тогда же принялось за разработку основныхъ законовъ государства. Но такъ какъ французскiй народъ въ продолженiе долгаго времени терпѣлъ всевозможныя притѣсненiя отъ неограниченной государственой власти, то понятно, что представители французскаго народа, составлявшiе учредительное собранiе, болѣе всего заботились о томъ, чтобы оградить самыя существенныя права гражданъ своего государства, именно то, что всего болѣе попиралось въ продолженiе многихъ вѣковъ. Въ виду этого учредительное собранiе постаралось какъ можно болѣе ограничить власть государ-

ства надъ подданными. Французскій народъ, измученный насиліемъ, несправедливостями, приведенный въ нищенское состояніе, мечталъ основать такое политическое общество, то-есть такое государство, въ которомъ бы всѣ граждане были равноправны между собою и въ которомъ бы вся власть исходила отъ народа, а всѣ тѣ, кому народъ ввѣрилъ бы власть, были бы отвѣтственны передъ самодержавнымъ народомъ. Но и этого казалось еще недостаточно, чтобы обезпечить личную свободу гражданъ отъ посягательствъ на нее государственной власти, и потому французы нашли необходимымъ прежде всего провозгласить неотъемлемыя и неприкосновенныя права человѣка и гражданина, на которыя и само государство не могло бы наложить свою руку. Посмотримъ же теперь, что провозглашала знаменитая французская декларація и какія права объявила она неотчуждаемыми? А также познакомимся съ тѣмъ, какъ объясняло само Французское Учредительное Собраніе свое рѣшеніе изложить священныя и неотчуждаемыя права человѣка въ торжественной декларація.

II.

Объявленіе Правъ Человѣка и Гражданина.

Представители французскаго народа, составившіе изъ себя Національное Собраніе, принимая во вниманіе, что невѣдѣніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины народныхъ бѣдствій и развращенности правительствъ, рѣшили изложить въ торжественномъ объявленіи естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка, дабы это объявленіе, находясь постоянно передъ глазами всѣхъ членовъ общества, безпрестанно напоминало имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; дабы дѣйствія власти законодательной и власти исполнительной стали болѣе уважаемы, благодаря возможности ежеминутно сличить, насколько ихъ дѣйствія соотвѣтствуютъ назначенію всякаго государственнаго учрежденія; дабы требованія гражданъ, основанныя отнынѣ на простыхъ и неоспоримыхъ истинахъ, постоянно направлялись къ поддержанію Конституціи и къ всеобщему благополучію. — Вслѣдствіе сего Національное Собраніе признаетъ и объявляетъ, передъ лицомъ и подъ покровительствомъ Верховнаго Владыки, слѣдующія права человѣка и гражданина:

1) Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Различія между членами общества могутъ допускаться только въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ общая польза.

2) Назначеніе всякаго политическаго общества есть охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Эти права такія: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію.

3) Начало всякой верховной власти принадлежитъ народу. Никакое учрежденіе, никакое отдѣльное лицо не можетъ пользоваться властью, которая не исходила бы непосредственно отъ народа.

4) Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что только не вредитъ другому. Такимъ образомъ пользованіе каждаго отдѣльнаго человѣка своими правами должно быть ограничено только тѣми предѣлами, которые даютъ возможность и другимъ членамъ общества пользоваться тѣми же правами. Эти предѣлы могутъ быть установлены только Закономъ.

5) Законъ имѣетъ право запрещать только поступки, вредные для общества. Все, что не возбранено Закономъ, не можетъ быть запрещено, и никого не должно принуждать дѣлать то, чего Законъ не предписываетъ.

6) Законъ долженъ выражать общую волю. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ своихъ представителей участвовать въ составленіи законовъ. Законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, защищаетъ ли онъ или наказываетъ. Такъ какъ всѣ граждане равны передъ Закономъ, то всѣ они имѣютъ одинаковый доступъ ко всякимъ общественнымъ званіямъ, мѣстамъ и должностямъ, каждый по своимъ способностямъ и безо всякаго различія, кромѣ какъ по своимъ добродѣтелямъ и талантамъ.

7) Никто не можетъ быть обвиненъ, арестованъ и содержаться подъ стражею, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ Закономъ, и не иначе, какъ съ соблюденіемъ обрядовъ, предписанныхъ Закономъ. Тотъ, кто испрашиваетъ, отдаетъ, исполняетъ или заставляетъ исполнять приказы, основанные на произволѣ, подлежитъ наказанію. Но каждый гражданинъ, вызванный или задержанный на основаніи Закона, долженъ немедленно повиноваться; въ случаѣ сопротивленія онъ признается виновнымъ.

8) Законъ долженъ устанавливать наказанія только безусловно необходимыя. Никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ на основаніи Закона, изданнаго и обнародованнаго еще до совер-

шенія преступленія и затѣмъ примѣненнаго въ установленномъ порядкѣ.

9) Каждый человѣкъ считается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока судъ не признаетъ его виновнымъ. Поэтому, если явится необходимость задержать кого-либо, Законъ долженъ строго воспрещать всякія суровыя мѣры по отношенію къ нему, если только онѣ не являются необходимыми для того, чтобы воспрепятствовать ему уклониться отъ суда.

10) Никто не долженъ терпѣть притѣсненій за свои убѣжденія, хотя бы даже религіозныя, если только при обнаруженіи ихъ не нарушается установленный Закономъ общественный порядокъ.

11) Право свободно высказывать свои мысли и свои мнѣнія—одно изъ самыхъ цѣнныхъ правъ человѣка; каждый гражданинъ поэтому можетъ свободно говорить, писать и печатать, отвѣчая лишь за злоупотребленія этой свободой въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ Закономъ.

12) Для обезпеченія правъ человѣка и гражданина необходима сильная государственная власть. Эта власть установлена, слѣдовательно, ради общей пользы, а не ради только выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена.

13) На содержаніе государственной власти и на расходы по управленію государствомъ необходимы общіе взносы; они должны быть равномѣрно распредѣлены между всѣми гражданами, согласно съ ихъ средствами.

14) Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ своихъ представителей участвовать при разрѣшеніи вопроса о необходимости общественныхъ взносовъ, давать свободно согласіе на нихъ, слѣдить за ихъ расходованіемъ и опредѣлять ихъ размѣръ, источники, порядокъ и срокъ взиманія.

15) Общество имѣетъ право требовать отчета въ управленіи отъ всякаго должностного лица.

16) Всякое общество, въ которомъ не установлены мѣры для обезпеченія правъ и не произведено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи.

17) Такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никого нельзя лишить собственности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого очевидно требуетъ законнымъ образомъ удостовѣренная общественная необходимость, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія.

III.

Декларація правъ человѣка и гражданина — не что иное, какъ торжественно провозглашенный протестъ противъ стараго порядка, полнаго произвола и насилія. Сама по себѣ декларація не производила никакихъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ Франціи. Въ провозглашенныхъ ею правахъ не находится никакихъ указаній, какъ нужно переустроить государство, чтобы обновить страну и дать ей возможность зажить лучшей жизнью. Но старый порядокъ измучилъ народъ. Вѣчныя стѣсненія, угрозы, вымогательства въ продолженіе долгаго времени препятствовали народу устроить по своему желанію жизнь. Всякое неповиновеніе грозило лишеніемъ состоянія, а не то и жизни. О какой бы то ни было свободѣ нечего было и думать. Но и повиновеніе не обезпечивало отъ разоренія. Кучка привилегированныхъ угнетала массу, то-есть весь французскій народъ, безъ различія, были ли то богатые или бѣдные. Вотъ почему понадобилось Французскому Учредительному Собранію, состоявшему изъ представителей всего французскаго народа, провозгласить свою декларацію и выразить въ ней завѣтныя желанія и неотложныя требованія всего народа, а именно: охраненіе его свободы, собственности и безопасности и право оказывать сопротивленіе угнетенію, что въ свою очередь было возможно только при установленіи законнаго порядка въ государствѣ и передачѣ верховной власти въ руки народа.

Если сами по себѣ торжественно провозглашенныя истины и не были въ состояніи измѣнить государственное устройство Франціи, одно уже то, что Учредительное Собраніе въ своей декларапіи подтверждало лишь желаніе народа объявить провозглашенныя права естественными, то-есть принадлежащими человѣку отъ рожденія и неотчуждаемыми какой-либо государственной властью, доказывало, что народъ, воспринявшій эти истины, добровольно уже не откажется отъ потребованныхъ правъ. И дѣйствительно, вся дальнѣйшая исторія Франціи доказываетъ, какъ, несмотря на частую смѣну правительствъ и перемѣны конституцій, которыя слѣдовали однѣ за другими послѣ того, какъ Національное Собраніе провозгласило свою Декларацію, ни французскій народъ, ни слѣдовавшія

другъ за другомъ правительства не переставали считаться съ этими торжественно возвѣщенными правами человѣка и гражданина. Но и этимъ еще не оканчивалось значеніе французской деклараціи. Государственный переворотъ, произведенный французскимъ народомъ, такъ называемая великая французская революція, не ограничилась предѣлами одной Франціи; революціонное движеніе, уничтоживъ старый порядокъ во Франціи, распространилось оттуда на остальныя европейскія государства. Тамъ, за исключеніемъ одной Англіи, царилъ тотъ же самый порядокъ, который только-что уничтожилъ французскій народъ въ своей странѣ. Самовластіе правителей, безнаказанное хозяйничанье ихъ въ странѣ и управленіе государствомъ основанное на произволѣ и насиліи, — таковы были отличительные признаки такъ называемаго полицейскаго государства, неограниченнаго въ своемъ господствѣ надъ подданными въ европейскихъ странахъ. Правда, условія жизни населенія въ большинствѣ государствъ тогдашней Европы были сноснѣе, чѣмъ то было во Франціи, такъ какъ правительства этихъ государствъ какъ-никакъ заботились о положеніи своихъ подданныхъ и тѣмъ заслужили наименованіе просвѣщеннаго абсолютизма (то-есть просвѣщеннаго самодержавія). Но тѣмъ не менѣе права человѣка нигдѣ не были обезпечены, и жизнь, равно какъ и имущество населенія, зависѣли отъ произвола, который покоился на неограниченной власти правительства. Произволъ этотъ создавалъ прежде всего неравенство, при чемъ одна часть народа несомнѣнно выигрывала, зато другая терпѣла, тѣмъ болѣе, что у нея отнималось то, что давалось другимъ. При такихъ условіяхъ недовольство населенія росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и сильнѣе являлась потребность въ такъ называемыхъ гарантіяхъ, то-есть обезпеченіи правъ каждаго отдѣльнаго человѣка отъ правительственнаго произвола. Когда же революція во Франціи сокрушила старый государственный порядокъ, а истины, провозглашенныя Національнымъ Собраніемъ, пронеслись по всей Европѣ, они всколыхнули умы народовъ, подняли ихъ противъ притѣснителей, и революціонное движеніе охватило государства и поколебало престолы монарховъ. Уничтоженіе стараго порядка, обезпеченіе правъ человѣка и передача законодательной власти въ руки народнаго представительства — вотъ за что боролись народы Европы со своими монархами. Борьба продолжалась многіе годы. Падали престолы, создавались новыя государства, однѣ царствующія династіи

смѣняли другія. Порой правительствамъ въ той или другой странѣ удавалось подавить волнующіяся народныя массы и снова возстановить порядокъ, присущій абсолютизму. Но проснувшіеся народные умы уже не были въ состояніи разстаться съ разбудившими ихъ истинами, торжественно провозглашенными Французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ. Едва подавленные, они возставали снова, пока не удавалось водворить, взамѣнъ полицейскаго, конституціонное правовое государство. Можно даже сказать, что борьба эта не прекратилась до сихъ поръ, такъ какъ не всѣмъ еще государствамъ Европы удалось водворить правовой порядокъ. И наша Россія въ настоящее время борется за тѣ права, которыя болѣе ста лѣтъ назадъ были торжественно возвѣщены Французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ.

IV.

Такимъ образомъ можно сказать, что представленіе о правахъ человѣка и гражданина, или, такъ называемыхъ, личныхъ правахъ, распространилось въ умахъ европейскихъ народовъ подъ вліяніемъ французской деклараціи. При старомъ порядкѣ признавались права главы государства, признавались сословныя привилегіи или преимущества, а также права и преимущества отдѣльныхъ лицъ или обществъ, но общія права подданныхъ понимались только въ видѣ извѣстныхъ обязанностей государства къ своимъ подданнымъ, въ видѣ опредѣленныхъ заботъ государства о благосостояніи населенія. Значитъ отъ самого государства зависѣло считать то или другое установленіе полезнымъ для народа, и народу приходилось брать только то, что ему предлагалось; желанія же и требованія отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныя притязанія жителей не только не признавались въ полицейскомъ государствѣ, но и служили поводомъ, чтобы всякаго отдѣльнаго человѣка, позволившаго себѣ высказать такія притязанія, обвинить въ политическомъ преступленіи. Лишь декларація правъ человѣка, создавъ въ умахъ народовъ представленіе о личныхъ правахъ, произвела переворотъ и въ самомъ отношеніи государства къ подданнымъ, и оно наконецъ принуждено было признать за своими гражданами не однѣ только обязанности, но и извѣстныя личныя права.

Такимъ образомъ въ конституціи почти всѣхъ европейскихъ го-

сударствъ были включены перечни правъ, подобные тому, какой въ 1789 году торжественно объявило Французское Учредительное Собраніе. Впрочемъ при изданіи конституцій въ различныхъ государствахъ отдѣльныя статьи и выраженія принаравливались къ требованіямъ каждой отдѣльной страны; такъ что не только подобные перечни правъ отличаются одинъ отъ другого въ конституціяхъ каждаго отдѣльнаго государства, но въ нѣкоторыхъ конституціяхъ такія деклараціи даже совсѣмъ отсутствуютъ и замѣнены такъ называемыми гарантіями правъ. Разница между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что деклараціи содержатъ перечень торжественно объявленныхъ правъ, предшествующій конституціоннымъ или основнымъ законамъ государства; въ гарантіяхъ тѣ же права выражены въ видѣ положительнаго закона. Исключеніе составляетъ конституція Германской Имперіи, въ которой совсѣмъ нѣтъ отдѣла объ основныхъ правахъ гражданъ. Но конституція Германской Имперіи могла опустить перечень этихъ правъ потому, что они уже были оговорены въ конституціяхъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ имперію. Сверхъ того, въ цѣломъ рядѣ имперскихъ законовъ приняты во вниманіе и установлены важнѣйшія изъ основныхъ правъ гражданъ. Такъ что выдѣлять эти права особо не оказалось нужнымъ, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ личныя права человѣка въ Германской Имперіи обезпечены даже болѣе, чѣмъ во многихъ государствахъ, въ конституціяхъ которыхъ содержится особый перечень правъ человѣка и гражданина. То же самое можно сказать и про конституцію Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ которой также не содержится особаго перечня правъ; впрочемъ въ дополненіяхъ къ этой конституціи, такъ называемыхъ поправкахъ, гарантіи личныхъ правъ уже перечисляются. Кромѣ того, такіе перечни содержатся въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ Сѣвероамериканскаго Союза, при чемъ деклараціи нѣкоторыхъ штатовъ даже самыя древнія изъ всѣхъ существовавшихъ когда-либо декларацій, и иныя изъ нихъ даже послужили образцомъ при составленіи знаменитой французской деклараціи. Но, несмотря на свое древнее происхожденіе, американскія деклараціи имѣли болѣе мѣстное значеніе и не имѣли вліянія на подобныя деклараціи остальныхъ европейскихъ государствъ, какое имѣла французская декларація.

Что же касается древнѣйшей изъ всѣхъ конституцій — англійской, надо сказать, что она совсѣмъ не содержитъ особаго перечня

правъ человѣка и гражданина. Правда, въ нѣкоторыхъ королевскихъ хартіяхъ или грамотахъ содержатся нѣкоторыя перечисленія вольностей англичанъ, но эти перечисленія свидѣтельствуютъ также и о томъ, что каждая такая вольность досталась англійскому народу послѣ упорной продолжительной борьбы съ королевской властью. Но если въ Англіи личныя права гражданъ и не перечислены въ особой деклараціи, онѣ тѣмъ не менѣе защищены тамъ не хуже, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ конституціонномъ государствѣ, такъ какъ основаны на общемъ господствѣ закона, единаго и неизмѣннаго, къ кому бы онъ не примѣнялся, къ частнымъ ли лицамъ или должностнымъ. О томъ же, какъ соблюдается въ Англіи это господство закона, нужно сказать особо.

V.

Задолго еще до того времени, какъ Французское Учредительное Собраніе провозгласило священныя и неотчуждаемыя права человѣка и гражданина, англійскій народъ пользовался тѣми вольностями, которыя перечисляла французская декларація. Какъ было уже упомянуто, вольности англійскаго народа не перечислялись въ какомъ либо особомъ законодательномъ актѣ, на подобіе декларацій; права и вольности англичанъ основывались на томъ лишь представленіи, что ни одинъ англійскій подданный не можетъ быть лишенъ своихъ правъ или ограниченъ въ пользованіи ими иначе, какъ на основаніи опредѣленія суда. Вслѣдствіе такого представленія о своихъ правахъ, англичанинъ можетъ въ каждомъ, отдѣльномъ случаѣ поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится, лишь бы только двѣнадцать его соотечественниковъ—присяжныхъ засѣдателей, которымъ пришлось бы разсматривать какой-либо изъ его поступковъ на судебномъ разбирательствѣ, признали, что такой поступокъ не противорѣчитъ законамъ или обычаямъ Англіи. Поэтому можно сказать, что охрана личныхъ правъ англійскаго гражданина, равно какъ забота о соблюденіи закона поручена въ Англіи общимъ судебнымъ установленіямъ, причемъ это одинаково относится какъ къ тѣмъ случаямъ, когда нарушителями закона являются граждане, такъ и къ тѣмъ, когда нарушителями являются правительство и должностныя лица. Какимъ же образомъ возникло въ Англіи это господ-

ство закона? Чтобы понять это, надо разсмотрѣть, какъ относился всегда англійскій народъ къ государственной власти.

Какъ разсказываетъ исторія, всѣ пожалованныя англійскимъ подданнымъ королевскія хартіи, подтверждавшія древнія и безспорныя вольности англійскаго народа, были ни что иное, какъ вынужденное, послѣ упорной борьбы съ народомъ, согласіе англійскихъ королей на ограниченіе своей власти. Въ то самое время, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ одинъ монархъ за другимъ накладывалъ руку на свободу, или на такъ называемое самоопредѣленіе своихъ подданныхъ, въ Англіи, при всякой такой попыткѣ со стороны королей, народъ дружно отстаивалъ свои старинныя вольности, а въ случаѣ нужды даже защищалъ ихъ силой. И, въ ознаменованіе одержанной побѣды надъ королевской властью, англійскій народъ всякій разъ послѣ окончившейся борьбы требовалъ отъ своихъ королей особой хартіи, подтверждавшей старинныя вольности. Что эти старинныя вольности англичане представляли себѣ очень широко, видно изъ того, что на самомъ дѣлѣ англійскій народъ не ограничивался требованіемъ, чтобы короли подтверждали одну хартію другой, но всякій разъ пользовался случаемъ напомнить своимъ королямъ и потребовать отъ нихъ подтверженія и тѣхъ вольностей, которыя еще не были упомянуты въ болѣе раннихъ хартіяхъ. Такимъ образомъ сложилось въ умахъ англичанъ представленіе, что древнія и безспорныя вольности англійскаго народа такого же древняго происхожденія, какъ и само англійское государство. Поэтому и казалось, что, требуя отъ своихъ королей подтвержденія своихъ вольностей, англичане требовали только того, что имъ всегда принадлежало по праву. Вотъ почему не было и настоятельной нужды въ ихъ особомъ перечисленіи, такъ какъ и безъ этого перечисленія онѣ подразумѣвались сами собою.

Таковы были представленія англійскаго народа о своихъ личныхъ правахъ. Что права эти казались англичанамъ неоспоримыми, видно еще изъ того, что во всѣхъ этихъ королевскихъ хартіяхъ очень мало упоминается о правахъ человѣка и гражданина. Такъ напримѣръ, въ законодательномъ актѣ, такъ называемомъ Биллѣ о правахъ, содержатся только два постановленія, касающіяся личныхъ правъ, или какъ говорятъ правомочій, предоставленныхъ англійскимъ подданнымъ: право подавать королю петиціи или челобитныя, и право носить оружіе; и еще одна статья обезпечиваетъ свободу

слова членамъ парламента. Всѣ же остальныя статьи упомянутого Билля содержатъ лишь указанія на обязанности правительства по отношенію къ своимъ подданнымъ. Правда, въ самомъ Биллѣ о правахъ всѣ постановленія Билля называются правами и вольностями англійскаго народа. Такъ, вслѣдъ за указанными постановленіями говорится слѣдующее:

«И они (то есть англичане) ищутъ, требуютъ и настаиваютъ на всемъ перечисленномъ и на каждой статьѣ въ отдѣльности, какъ на своихъ безспорныхъ правахъ и вольностяхъ...»

Но тѣмъ не менѣе указаніе въ Биллѣ, что его постановленіями подтверждаются безспорныя англійскія вольности, покоится все на томъ же представленіи англичанъ о своихъ правахъ и господствѣ закона, на основаніи котораго англійскій народъ не находилъ даже нужнымъ подтвердить свои вольности въ особомъ законодательномъ актѣ; считая вполнѣ достаточнымъ для ихъ обезпеченія ограничить законнымъ порядкомъ королевскую власть.

Такое представленіе о своихъ правахъ и объ отношеніяхъ къ государству сложилось среди англійскаго народа медленнымъ историческимъ путемъ. Все дѣло въ томъ, что англичане представляли себѣ государство, какъ такое общество, въ которомъ государь и народъ заключили между собой договоръ, опредѣляющій права каждой договаривающейся стороны. Договоръ этотъ состоитъ изъ законовъ, которые устанавливаютъ: право государя на законное повиновеніе со стороны подданныхъ и право народа требовать отъ своего короля соблюденія закона и пользоваться своей властью въ установленныхъ закономъ границахъ.

Такимъ образомъ англійскій народъ представлялъ себѣ договоръ, заключеный народомъ съ государемъ, какъ обязательный между обѣими договаривающимися сторонами и охраняемый закономъ. Поэтому законъ, можно сказать, стоялъ надъ обѣими вступившими въ договоръ сторонами и долженъ былъ служить руководствомъ какъ для государя, такъ и для народа. Иначе, законъ стоялъ выше всякой власти, выше короля, и король не менѣе своихъ подданныхъ былъ обязанъ повиноваться закону. Зато всякое право, дарованное закономъ дѣлалось безспорнымъ и наслѣдственнымъ, и потому пріобрѣталось жителемъ Англіи уже при самомъ рожденіи. Вотъ почему, когда говорятъ про Англію, что она управляется закономъ, или что Англія страна господства закона и обычая, то этимъ только подтверждаютъ давно сложив-

шееся мнѣніе англійскаго народа о своей странѣ. Примѣромъ такого отношенія къ закону можетъ служить слѣдующее мнѣніе англичанъ, высказанное еще въ старыя времена: «Законъ—самое цѣнное наслѣдство, которое получилъ король, такъ какъ закономъ управляется онъ самъ и всѣ его подданные, и если не будетъ существовать закона, то не будетъ ни короля, ни наслѣдственной королевской власти». Такими же наслѣдственными въ силу закона признавали англичане и свои вольности, да и самые законы признавались, какъ право англійскаго народа, унаслѣдованное отъ предковъ и пріобрѣтаемое каждымъ англичаниномъ при рожденіи. Что англичане понимали свои вольности, какъ законно унаслѣдованныя, видно уже изъ того, что въ старыхъ англійскихъ законахъ всегда говорится только о древнихъ правахъ и вольностяхъ, которыя народъ требуетъ только подтвердить. Такъ что ни въ одномъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ ничего не упоминается объ установленіи какихъ-нибудь новыхъ правъ, признаваемыхъ въ настоящее время за самыя существенныя; такъ напримѣръ, ничего не говорится о свободѣ вѣроисповѣданія, о свободѣ печати, о свободѣ передвиженія, о правѣ собраній. Да и въ настоящее время въ англійскихъ законахъ ничего не упоминается объ этихъ правахъ на томъ основаніи, что всѣ эти права исходятъ изъ понятія о личной свободѣ гражданъ, которая и должна быть обезпечена, по мнѣнію англичанъ, закономъ; при этомъ и самое ограниченіе свободы личности можетъ воспослѣдовать только въ силу закона. Поэтому можно сказать: въ Англіи дозволено дѣлать все, что не запрещено закономъ. Охрана же закона въ Англіи, какъ мы видѣли, поручена общимъ судамъ. Посмотримъ теперь, какъ англійскіе суды охраняютъ личныя права своихъ гражданъ; но для этого нужно первоначально познакомиться съ тѣмъ, что признается въ современномъ правовомъ государствѣ подъ правами человѣка и гражданина.

VI.

Личными правами вообще называются такія права, которыя государство признаетъ за своими гражданами, и которыми оно ограничиваетъ свое право вторгаться въ ихъ личную или общественную жизнь. Обыкновенно это достигается тѣмъ, что государство дѣлится своими правами съ гражданами, при чемъ послѣдніе надѣляются опредѣленными правомочіями. Къ такимъ правомочіямъ впрочемъ принадлежатъ и такъ называемыя политическія права гражданъ, напримѣръ, право народа участвовать въ законодательствѣ, избирательное право и такъ далѣе. Собственно же личными правами называются такія, которыя касаются права личности, то есть личной свободы, а также и права свободы общественной. Личная свобода обезпечиваетъ человѣка въ его личныхъ поступкахъ, общественная же въ его поступкахъ по отношенію къ другимъ людямъ. Къ личной свободѣ поэтому относятся: личная и жилищная неприкосновенность, обезпеченіе тайны переписки, свобода выбора занятій и свобода передвиженія. Къ свободѣ общественной принадлежатъ: свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова, свобода печати, свобода собраній, свобода союзовъ.

Желаніе обезпечить личную свободу возникло въ Англіи очень рано. Такъ, уже въ началѣ тринадцатаго вѣка появляется такъ называемая Великая Хартія Вольностей, въ которой между прочимъ заключается такая статья:

«Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть задержанъ, заключенъ, лишенъ своего имущества, вольностей или свободныхъ обычаевъ, не можетъ быть изгнанъ, объявленъ внѣ закона, или утѣсненъ какимъ либо инымъ способомъ, и мы (то есть король) не пойдемъ на него и не пошлемъ на него, если только это не будетъ требоваться приговоромъ суда ему равныхъ, и не иначе какъ по законамъ страны».

Великая Хартія Вольностей была первымъ законодательнымъ актомъ, обезпечивающимъ личную свободу. Однако этотъ актъ оказался далеко еще недостаточнымъ обезпеченіемъ личной свободы въ борьбѣ съ королевской властью; поэтому, когда эта борьба англійскаго народа съ своими королями окончилась побѣдой народа, а именно въ концѣ семнадцатаго вѣка, былъ изданъ знаменитый за-

конъ 1679 года, такъ называемый Habeas Corpus Act., на основаніи котораго всякій человѣкъ, арестованный безъ объясненія причинъ, или всякій другой за него имѣетъ право требовать представленія арестованнаго въ судъ. Судья въ такихъ случаяхъ обязанъ предпринять слѣдующее: во-первыхъ, отправить немедленно въ мѣсто заключенія предписаніе о доставленіи къ себѣ арестованнаго; во-вторыхъ, потребовать объясненія причинъ ареста, а въ третьихъ, разсмотрѣть это дѣло и постановить свой приговоръ. Должностныя лица, произведшія незаконный арестъ, равно какъ отдавшія приказъ о незаконномъ арестѣ, подвергаются большимъ штрафамъ, а потому такія нарушенія личной свободы человѣка происходятъ въ Англіи довольно рѣдко. Такимъ образомъ законъ 1679 года признаетъ, какъ общее правило, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ обыкновеннымъ закономъ и обыкновеннымъ судомъ за произвольное задержаніе. Кромѣ того, всякій приказъ, выданный объ арестѣ, обязанъ содержать точное указаніе, какое именно лицо должно быть задержано и по какому поводу; отдавать же общіе приказы объ арестѣ нѣсколькихъ лицъ, указывая при этомъ на ихъ принадлежность къ сообществу, нарушившему законъ, или на ихъ соучастіе въ нарушеніи закона, строго воспрещается. Такъ что, въ случаѣ незаконнаго приказа объ арестѣ, всякій человѣкъ, относительно котораго отданъ такой приказъ, имѣетъ возможность не только обжаловать передъ судомъ несогласное съ закономъ лишеніе свободы, но и можетъ въ такомъ случаѣ совершенно безнаказанно оказывать сопротивленіе должностному лицу, производящему произвольный арестъ. Даже если такое сопротивленіе поведетъ къ убійству должностного лица, это убійство не можетъ быть поставлено въ вину человѣку, который оказалъ сопротивленіе, если только будетъ доказано, что отданный приказъ объ арестѣ не относился именно къ лицу, оказавшему сопротивленіе, а былъ общій по отношенію къ нѣсколькимъ лицамъ. Въ такомъ случаѣ судомъ будетъ признано, что убійство было совершено въ условіяхъ необходимой обороны при покушеніи на личную свободу. Съ другой стороны, ни одно должностное лицо, производящее арестъ, не можетъ ссылаться въ оправданіе своего незаконнаго дѣйствія на приказъ начальника. Вотъ какимъ образомъ судъ въ Англіи охраняетъ личную свободу англійскихъ гражданъ.

Что же касается другихъ странъ, то въ разныхъ государствахъ

приняты различныя мѣры обезпеченія личной свободы своихъ граждань. Такъ напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки личная свобода защищена такъ же, какъ въ Англіи. Въ другихъ государствахъ она защищается соотвѣтствующими конституціонными постановленіями. Впрочемъ надо добавить, что такія постановленія въ большинствѣ европейскихъ конституцій почти совсѣмъ не касаются полицейскаго или административнаго ареста. Такъ что можно сказать, въ Англіи личная свобода защищена полнѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Не менѣе обезпеченія личной неприкосновенности важна неприкосновенность частнаго жилища. Такъ въ полицейскомъ государствѣ человѣкъ не можетъ никогда оставаться покоенъ, что въ его жилище не проникнетъ какое-нибудь административное лицо и не нарушитъ спокойствіе домашняго очага. Такое нарушеніе жилищной неприкосновенности, сопровождаемое обысками, вскрытіемъ переписки и тому подобными мѣрами, совершается въ полицейскомъ государствѣ будто бы въ интересахъ предупрежденія преступленія. Ничего подобнаго, конечно, не можетъ существовать въ правовомъ государствѣ. По выраженію одного англичанина: «жилище каждаго есть нерушимая твердыня, въ которую самъ король не можетъ проникнуть безъ согласія живущихъ въ ней». Поэтому нарушеніе жилищной неприкосновенности безъ судебнаго предписанія въ Англіи возможно только при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а именно: въ случаѣ нахожденія въ чьемъ-нибудь частномъ жилищѣ преслѣдуемаго преступника, или когда изъ такого жилища раздаются крики о помощи и является предположеніе, что тамъ совершается преступленіе, или же наконецъ, при опасности, грозящей обитателямъ жилища, напримѣръ, отъ пожара или наводненія. Впрочемъ судъ въ случаѣ необходимости можетъ разрѣшить нарушить неприкосновенность жилища, напримѣръ, произвести обыскъ, но англійскіе законы и въ этомъ случаѣ предписываютъ особенную осторожность и точность для избѣжанія злоупотребленій. Подобно тому, какъ въ Англіи, жилищная неприкосновенность признается и въ другихъ конституціонныхъ государствахъ.

Въ большинствѣ конституцій говорится также о неприкосновенности частной переписки, а также о свободѣ передвиженій и свободѣ профессій, то есть о свободѣ выбора занятій. Относительно неприкосновенности частной переписки ни одно государство, даже

Англія, не выработало до сихъ поръ необходимыхъ обезпеченій; такъ что нельзя сказать, чтобы эта неприкосновенность соблюдалась вполнѣ въ правовомъ государствѣ. Что же касается свободы передвиженія, то запрещеніе мѣнять мѣстожительство является такимъ устарѣлымъ требованіемъ, которое совершенно не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ жизни, и потому эта свобода также была обезпечена постановленіями конституцій. Почти то же самое можно сказать о свободѣ профессій, которая въ настоящее время подразумѣвается сама собой, такъ какъ поводы для запрещенія пользоваться этой свободой уже не имѣютъ мѣста въ современной жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ были уничтожены сословныя перегородки, запрещавшія людямъ свободно предаваться любымъ занятіямъ, исчезла и самая нужда, такъ или иначе, обезпечивать эту свободу; но тѣмъ не менѣе постановленія объ этой свободѣ вошли въ конституціи современныхъ государствъ, какъ подтвержденіе уничтоженія сословныхъ привилегій. Впрочемъ и въ настоящее время въ конституціонныхъ государствахъ существуетъ одно ограниченіе свободы профессій, а именно выставляется требованіе для нѣкоторыхъ профессій извѣстнаго образованія, напримѣръ такое требованіе выставляется для желающихъ сдѣлаться врачами или адвокатами.

Вотъ какъ обезпечиваетъ современное правовое государство личную свободу своихъ гражданъ. Причемъ, за исключеніемъ одной только личной неприкосновенности, въ большинствѣ государствъ эти свободы обезпечены болѣе или менѣе одинаково. Что же касается личной неприкосновенности, то она обезпечена наиболѣе въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Посмотримъ теперь, какъ обезпечиваютъ конституціонныя государства такъ называемую общественную свободу.

VII.

Въ 1631 году въ Массачузетсъ (одинъ изъ штатовъ Союза Сѣверной Америки) прибылъ нѣкто Роджеръ Вильямсъ, котораго одна община этого штата, а именно Салемская, избрала въ священники. Сдѣлавшись священникомъ, Вильямсъ въ своихъ проповѣдяхъ доказывалъ, что церковь должна быть совершенно независима отъ государства, а также требовалъ, чтобы была допущена неограниченная вѣротерпимость, не только относительно всѣхъ христіанъ, но и относительно евреевъ, мусульманъ и язычниковъ. По его мнѣнію, всѣ люди должны пользоваться одними и тѣми же правами, какъ гражданскими, такъ и политическими. Что же касается совѣсти, то совѣсть человѣка — это его личное дѣло, и государство не имѣетъ права вторгаться въ эту область. Когда его вскорѣ послѣ этого изгнали изъ общины, Вильямсъ удалился изъ Салема и съ нѣсколькими своими послѣдователями основалъ городъ Провиденсъ, въ который могли безпрепятственно стекаться всѣ тѣ, которыхъ преслѣдовали за религіозныя убѣжденія. При основаніи города переселенцами былъ составленъ договоръ, по которому всѣ здѣсь поселившіеся обязываются повиноваться тѣмъ законамъ, которые будутъ издаваться съ согласія самихъ переселенцевъ и рѣшаться большинствомъ голосовъ жителей. Но при этомъ было оговорено, что это обязательство можетъ касаться только гражданскихъ дѣлъ; вѣра же человѣка должна быть свободна, и законодательство не можетъ затрагивать религіозныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ въ американскомъ городѣ Провиденсѣ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, признано, что вѣра человѣка, или такъ называемая свобода религіозныхъ убѣжденій, должна быть ограждена отъ государственнаго вмѣшательства.

Послѣ того и другія поселенія или колоніи Сѣверной Америки мало-по-малу начали также признавать вѣротерпимость, и соотвѣтственно съ такимъ признаніемъ свобода вѣроисповѣданія была подтверждена законами, изданными по этому поводу многими колоніями, а также подтверждена грамотами англійскихъ королей, такъ какъ въ то время эти колоніи находились подъ управленіемъ Англіи.

Такимъ образомъ колоніи Сѣверной Америки первыя признали, что у человѣка есть прирожденное право поступать и открыто вы-

сказывать свои убѣжденія въ дѣлахъ вѣры, сообразуясь лишь съ велѣніемъ своей совѣсти. Это право человѣка—неприкосновенно для государства; оно не даровано человѣку, какъ гражданину, и не унаслѣдовано имъ, какъ унаслѣдованы древнія и безспорныя вольности англійскимъ народомъ. Это право неприкосновенно потому, что начинаетъ принадлежать человѣку при самомъ рожденіи, независимо отъ того, къ какому онъ принадлежитъ государству и вѣроисповѣданію. Право это въ широкомъ смыслѣ называется свободой совѣсти.

Въ Европѣ свобода совѣсти была признана въ различныхъ государствахъ постепенно, при чемъ первые ее признали французы, а за ними уже и другія конституціонныя государства; французы же признали ее подъ вліяніемъ декларацій американскихъ штатовъ.

Въ настоящее время во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ подъ свободой совѣсти понимаются слѣдующія права гражданъ: каждый имѣетъ право свободно выбрать себѣ религію, а также основать новую религію и перейти изъ одного вѣроисповѣданія въ другое; каждый имѣетъ право публично отправлять богослуженіе и говорить проповѣди согласно ученію той религіи, которую исповѣдуетъ; никто не подвергается ограниченіямъ политическихъ и гражданскихъ правъ за принадлежность къ той или иной религіи. Впрочемъ въ полномъ смыслѣ свобода совѣсти признана только въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ, именно только тамъ, гдѣ проведенъ законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ такой законъ существуетъ, въ конституціяхъ штатовъ содержатся слѣдующія объ этомъ постановленія: никто не обязанъ принадлежать къ какой-нибудь церкви и можетъ выйти изъ нея; дѣти могутъ воспитываться въ какой угодно религіи, а также оставаться и совершенно безъ религіи; никто не обязанъ выплачивать налоги на содержаніе церкви и священнослужителей; каждый можетъ открыто исповѣдовать и высказывать свои религіозныя убѣжденія и отправлять соотвѣтствующіе своей религіи обряды; никто не ограничивается въ политическихъ и гражданскихъ правахъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ; ни одно изъ вѣроисповѣданій не пользуется никакими преимуществами.

Отдѣленіе церкви отъ государства существуетъ пока, какъ уже было сказано, только въ немногихъ государствахъ, хотя нѣкоторыя государства, какъ напримѣръ Франція, въ настоящее время подготовляются къ проведенію этого закона. Въ этомъ отношеніи позади

другихъ конституціонныхъ государствъ стоитъ Англія, въ которой и до сихъ поръ свобода совѣсти пользуется нѣкоторыми стѣсненіями.

VIII.

Наряду съ религіозной борьбой за свободу совѣсти, шла борьба и за свободу мысли, при чемъ для того, чтобы добиться этой свободы, приходилось сперва въ каждомъ государствѣ выдерживать борьбу съ господствующей церковью, которая въ своихъ интересахъ не хотѣла признавать свободы мысли. Но въ то же время эта свобода ревностно отстаивалась всѣми передовыми и выдающимися людьми во всѣхъ государствахъ, такъ какъ запрещеніе пользоваться этой свободой равнялось запрещенію открывать и постигать научныя истины. И дѣйствительно, исторія даотъ намъ много примѣровъ того, какъ люди, сдѣлавшіе величайшія открытія, терпѣли всевозможныя гоненія и даже платились своей жизнью изъ-за церковныхъ предразсудковъ, усматривавшихъ въ этихъ научныхъ открытіяхъ не величайшія благодѣянія для человѣчества, а еретическое ученіе. Но, когда свобода совѣсти была достигнута, само собой поднялся и вопросъ о свободѣ мысли.

Въ настоящее время, впрочемъ, нѣтъ даже нужды обезпечивать свободу мысли какими-нибудь конституціонными постановленіями, такъ какъ она достаточно обезпечивается постановленіями, касающимися свободы слова и свободы печати. При чемъ судьба этихъ двухъ послѣднихъ свободъ рѣзко отличается одна отъ другой. Насколько сравнительно легко и скоро удалось добиться признанія за человѣкомъ права на свободу слова, настолько не легко было достигнуть второй. Все дѣло заключалось въ томъ, что для государства всегда было чрезвычайно трудно услѣдить за устной и живой рѣчью, которая только въ рѣдкихъ и извѣстныхъ случаяхъ поддавалась надзору, какъ напримѣръ во время произношенія рѣчей на общественныхъ собраніяхъ или во время какихъ-нибудь чтеній; въ остальныхъ же случаяхъ услѣдить за рѣчью оказывалось прямо невозможнымъ, если только при этомъ не пользовались услугами особаго рода шпіоновъ и сыщиковъ. Но послѣднее примѣнялось только въ государствахъ, въ которыхъ административная опека распространялась рѣшительно на всѣ проявленія жизни подданныхъ. Всѣ

же болѣе или менѣе просвѣщенныя государства скоро поняли, что разъ нѣтъ никакой возможности учредить правильный надзоръ за живой рѣчью, то примѣнять его въ однихъ случаяхъ и отказываться примѣнять въ другихъ не имѣетъ смысла и только способствуетъ самообману. Поэтому уже въ силу необходимости пришлось допустить свободу устнаго и живого слова. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ свободой печати, такъ какъ тутъ къ услугамъ полицейскаго государства появился особый полицейскій надзоръ, подъ именемъ цензуры. Это произошло тотчасъ за изобрѣтеніемъ книгопечатанія, такъ какъ предусмотрительность полицейскаго государства очень скоро опредѣлила весь вредъ, какой можетъ воспослѣдовать для него отъ этого открытія. Такимъ образомъ великое открытіе, доставившее возможность людямъ посредствомъ печатнаго станка дѣлиться своими мыслями и знаніями, почти съ появленія своего на свѣтъ подверглось тяжелому угнетенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ, въ руки котораго досталось такое цѣнное средство для достиженія широкаго распространенія образованія, не легко могъ согласиться на угнетеніе государствомъ его права пользоваться своимъ открытіемъ для просвѣтительной работы на пользу всему человѣчеству. Поэтому возгорѣлась борьба человѣка съ государствомъ, при чемъ англійскому народу выпала честь первому добиться признанія за собою права пользоваться свободой печати.

Вслѣдъ за Англіей свобода печати была признана въ Америкѣ, а затѣмъ, подъ вліяніемъ американскихъ декларацій, она была провозглашена, какъ неотъемлемое право французскаго гражданина, Французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ. Съ распространеніемъ же истинъ, возвѣщенныхъ французской деклараціей, свобода печати мало по-малу была признана и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Такъ что можно сказать, что въ настоящее время всѣ конституціонныя государства содержатъ въ своихъ конституціяхъ постановленія, обезпечивающія за человѣкомъ и гражданиномъ право свободно выражать свои мысли посредствомъ печатнаго слова. Правда и теперь еще въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ принимаются извѣстныя ограниченія въ пользованіи этой свободой; такъ напримѣръ, въ Австріи администрація имѣетъ право въ исключительныхъ случаяхъ запретить распространеніе какой-нибудь изданной статьи, но авторъ или издатель всегда могутъ обратиться въ такихъ случаяхъ къ какому-нибудь депутату рейхстага, съ просьбой, чтобы онъ сдѣлалъ въ Палатѣ за-

просъ, по какому поводу администрація запретила статью, и при этомъ прочелъ бы запрещенное сочиненіе. Все же, что только было оглашено въ рейхстагѣ, признается уже неприкосновеннымъ для администраціи. Такимъ образомъ, и въ этихъ случаяхъ общество имѣетъ возможность обойти подобныя запрещенія.

Впрочемъ мѣры, въ родѣ упомянутыхъ, принимаемыя для ограниченія свободы печати, становятся все болѣе рѣдкими, и въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ печать пользуется полнѣйшей свободой. Такъ напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки существуетъ конституціонное постановленіе, которое запрещаетъ конгрессу издавать какіе-либо законы, ограничивающіе свободу печати. Что же касается Англіи, то тамъ, какъ свобода слова, такъ и свобода печати не ограждаются особымъ закономъ, а признаются въ силу того общаго взгляда на права гражданъ. по которому всякія обиды, причиненныя посредствомъ устнаго, письменнаго или печатнаго слова комулибо, все равно, будетъ ли то частное лицо или должностное или само государство, судятся и караются, какъ и всякія прочія обиды на основаніи общаго закона и общими судами. Въ то же время, никакой власти не предоставлено предупреждать такія обиды, а вслѣдствіе этого учрежденіе цензуры, а также установленіе какихъ-либо другихъ подобныхъ мѣръ, которыя клонятся къ ограниченію свободы слова или печати, въ Англіи не можетъ имѣть мѣста. Вотъ какъ говорятъ сами англичане по этому поводу: «Всякій у насъ можетъ говорить, писать и печатать, что вздумаетъ, но разъ имъ будетъ сдѣлано дурное употребленіе изъ этой свободы, онъ подлежитъ наказанію».

IX.

Что касается свободы собраній, то наиболѣе полное признаніе она получила въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ Соединенныхъ Штатахъ допущена полная свобода собраній, съ единственнымъ только ограниченіемъ, чтобы собранія протекали мирно. Большинство же европейскихъ государствъ при этомъ требуютъ, чтобы лица участвующія въ собраніи, не имѣли при себѣ оружія и чтобы самыя собранія происходили въ закрытомъ помѣщеніи. Впрочемъ во Франціи допускаются и собранія подъ откры-

тымъ небомъ, для этого только требуется извѣстить мѣстныя власти о предполагающемся собраніи по крайней мѣрѣ за 24 часа до начала собранія. Въ Англіи право гражданъ устраивать собранія, или такъ называемые митинги, не обезпечено какимъ-нибудь опредѣленнымъ закономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ допущено на томъ основаніи, что тамъ въ то же время и не существуетъ законовъ, запрещающихъ такія собранія. Значитъ здѣсь снова дѣйствуетъ общее англійское правило, что дозволено все то, что не запрещено закономъ. Поэтому вмѣшательство властей съ требованіемъ прервать собраніе, не можетъ заставить лицъ, которыя въ немъ участвуютъ, покориться такому требованію. Точно также отказъ гражданъ повиноваться въ этомъ случаѣ властямъ не можетъ служить поводомъ для обвиненій гражданъ въ незаконномъ противодѣйствіи. Наоборотъ, судьи обыкновенно усматриваютъ въ каждомъ такомъ вмѣшательствѣ властей ничто иное, какъ нарушеніе правъ отдѣльныхъ лицъ, участвовавшихъ въ собраніи, а въ случаѣ примѣненія властями силы усматриваютъ нападеніе, произведенное властями на всѣхъ собравшихся и на каждаго въ отдѣльности. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы участвующіе въ собраніи не могли подлежать отвѣтственности тогда, когда собраніемъ будетъ произведено нарушеніе мира. Но въ такомъ случаѣ судъ признаетъ, что отвѣтственнымъ является не самое собраніе, а отдѣльныя лица, нарушившія миръ, которыя и подлежатъ отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ и передъ общими судами. Изъ постановленій англійскихъ судовъ дѣлается видно, что никакое распоряженіе властей, запрещающее митингъ, не можетъ сдѣлать его незаконнымъ, а потому власти не имѣютъ права принимать какихъ бы то ни было мѣръ, которыя могли бы воспрепятствовать митингу состояться... Изъ этого слѣдуетъ, что въ Англіи митингъ признается незаконнымъ не вслѣдствіе того, что власти усматриваютъ въ немъ опасность нарушенія мира, а когда митингъ дѣйствительно является поводомъ къ его нарушенію и сопровождается преступными замыслами и дѣйствіями.

Отъ признанія свободы собраній одинъ только шагъ до признанія государствомъ свободы союзовъ или такъ называемыхъ ассоціацій, то есть такихъ союзовъ, которые составляются съ намѣреніемъ добиться извѣстныхъ преобразованій въ общественной и политической жизни. Не говоря уже о томъ, что въ полицейскомъ государ-

ствѣ такіе союзы могутъ существовать только въ видѣ тайныхъ обществъ, такъ какъ полицейское государство всегда готово усмотрѣть въ такомъ союзѣ покушеніе на свою безопасность, право на свободу союзовъ и въ конституціонномъ государствѣ признается крайне неохотно. Опасность, которую государство видитъ въ такихъ союзахъ, заключается въ томъ, что такіе союзы могутъ захватить въ свои руки власть и произвести государственный переворотъ. Поэтому въ многихъ конституціонныхъ государствахъ примѣняются извѣстныя ограниченія въ пользованіи этой свободой; такъ, напримѣръ, въ Англіи такіе союзы могутъ возникать явочнымъ порядкомъ, то есть послѣ увѣдомленія администраціи, какой союзъ предполагается основать. Кромѣ того, запрещаются тайныя общества; общества, члены которыхъ неизвѣстны другъ другу, а также общества, члены которыхъ обязаны приносить присягу, и наконецъ общества, которыя не ограничиваются въ своихъ дѣйствіяхъ какой-нибудь одной мѣстностью, а стараются распространить свое вліяніе и на другія мѣста. Точно также и во многихъ другихъ государствахъ свобода союзовъ признается только съ извѣстными ограниченіями.

Остается еще сказать о свободѣ стачекъ, которая одинаково признается въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ допущена свобода собраній и свобода союзовъ. Требованіе признанія государствомъ свободы стачекъ, собственно говоря, исходитъ изъ требованія признанія свободы труда. Хотя еще ни одно правовое государство до сихъ поръ не взяло на себя охрану труда, но тѣмъ не менѣе съ того времени, какъ было признано, что государство не можетъ препятствовать самодѣятельности гражданъ и ихъ самозащитѣ, пришлось признать и свободу стачекъ. Впрочемъ, признаніе со стороны государства свободы стачекъ произошло сравнительно недавно такъ какъ въ очень еще близкое къ намъ время въ Англіи наказывалось склоненіе къ стачкѣ неучаствующихъ въ ней рабочихъ. Но теперь уже больше такія мѣры не принимаются, такъ какъ правовое государство, признавъ за своими гражданами извѣстныя личныя права, обезпечиваетъ себя и общество отъ злоупотребленія этими правами тѣмъ, что на охранѣ спокойствія, какъ самого государства, такъ и интересовъ другихъ лицъ, стоитъ независимый и нелицепріятный судъ, отправляющій правосудіе на основаніи равнаго для всѣхъ закона. Поэтому и въ отношеніи къ свободѣ стачекъ

государство должно было признать, что всякія дѣйствія участвующихъ въ стачкѣ могутъ быть наказуемы только тогда, когда ими вызвано нарушеніе мира или затронуты интересы отдѣльныхъ лицъ. Всякія же мѣры, которыя бы клонились къ предупрежденію такихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны участвующихъ въ стачкѣ, не могутъ быть принимаемы.

Что касается права петицій или иначе челобитій, то надо сказать, что это право принадлежитъ скорѣй къ политическимъ правамъ гражданъ, нежели къ ихъ личнымъ правамъ, такъ какъ въ подаваемыхъ петиціяхъ граждане, главнымъ образомъ, выставляютъ такія требованія, которыя клонятся къ измѣненію законодательства, касающагося общественнаго и политическаго порядка. Право предъявленія петицій признавалось и раньше. Но полицейское государство ограничивало это право извѣстными требованіями, напримѣръ, чтобы такія петиціи были подписаны опредѣленнымъ числомъ лицъ и были поданы въ установленныя правительствомъ учрежденія. Кромѣ того, во многихъ государствахъ предъявленіе петицій признавалось только за извѣстными сословіями. Далѣе челобитчикъ не имѣлъ права касаться въ подаваемой петиціи существующихъ общественныхъ и политическихъ порядковъ, при чемъ одно упоминаніе объ этомъ приравнивалось къ преступленію. Правовое же государство отказалось отъ этихъ ограниченій и признало за гражданами право высказывать въ подаваемыхъ петиціяхъ свои убѣжденія и желанія, хотя бы они касались государственнаго переустройства и были подписаны любымъ числомъ единомышленниковъ. Въ настоящее время петиціи главнымъ образомъ и приняли именно этотъ видъ, который такъ пугалъ полицейское государство и въ которомъ оно было всегда готово усмотрѣть открытый мятежъ. Наоборотъ, современное государство склонно принимать во вниманіе такія именно петиціи, въ которыхъ выставляются требованія огромнаго числа лицъ. Поэтому поданная петиція, то есть письменный документъ, указывающій на желанія и убѣжденія большого числа людей, или такъ называемая платформа, пользуется все большимъ значеніемъ въ современномъ государствѣ и часто дѣйствительно служитъ поводомъ для пересмотра и измѣненія законодательства.

X.

Если мы обратимъ вниманіе на современное состояніе конституціонныхъ государствъ, намъ невольно должны броситься въ глаза то благоустройство и процвѣтаніе, кототорыхъ въ сравнительно короткое время они достигли. Изъ этого дѣлается видно, что правовое государство, поступившись нѣкоторыми своими правами въ пользу своихъ гражданъ, не потеряло отъ того, что самоограничило свою властъ. Напротивъ, предоставивъ своимъ гражданамъ, какъ мы видѣли, извѣстныя личныя права, оно дало возможность имъ развить свою самодѣятельность и тѣмъ подготовило ихъ для исполненія ихъ политическихъ обязанностей. Такимъ образомъ правовое государство пріобрѣло такія силы и такія средства для своего развитія, которыхъ не знало государство полицейское. Когда на защиту интересовъ государства были призваны всѣ граждане съ правомъ самимъ принять участіе въ законодательствѣ и тѣмъ получить возможность самимъ оказывать вліяніе на устройство своего государства, интересы государства сдѣлались сами собой интересами всѣхъ гражданъ вмѣстѣ и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Государство стало расти, а вмѣстѣ съ нимъ росло и самосознаніе гражданъ и пониманіе ими своихъ политическихъ обязанностей. Гражданинъ, гордый своей независимостью и увѣренный, что его самодѣятельность можетъ ограничить только равный и общій для всѣхъ законъ, съ уваженіемъ смотритъ на свое государство и охотно исполнитъ обязанности, которыя оно на него возложитъ. Въ правовомъ государствѣ поэтому права неизбѣжно сплетаются съ обязанностями, такъ какъ личное право по отношенію къ самому себѣ является въ то же время обязанностью по отношенію къ другимъ и къ государству. Одно уже то, что каждый гражданинъ тогда только можетъ быть увѣренъ въ своей независимости, когда онъ знаетъ, что всѣ и каждый уважаютъ права одинъ другого, должно заставить его признать свои обязанности по отношенію къ другимъ и къ государству, которое стоитъ на стражѣ правъ и интересовъ своихъ гражданъ.

Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ администрація всего менѣе препятствуетъ

проявленію самодѣятельности своихъ гражданъ, граждане не только охотно исполняютъ свои политическія обязанности, но и сами становятся на защиту тѣхъ законовъ своей страны, которые обезпечиваютъ благосостояніе всѣхъ и каждаго. Такъ, напримѣръ, въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки правительство принуждено настолько считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, что ему приходится быть чрезвычайно осторожнымъ при изданіи новыхъ законовъ. Кромѣ того, въ Соединенныхъ Штатахъ гражданину предоставляется право искать въ судахъ защиты противъ посягательствъ на его личныя права со стороны законодательной власти. Такое право признается въ Соединенныхъ Штатахъ на томъ основаніи, что, согласно американскимъ государственнымъ порядкамъ, верховная власть надъ государствомъ принадлежитъ самому народу, который, слѣдовательно, одинъ только надѣленъ правомъ измѣнять конституціонные или основные законы своей страны. Эта верховная власть народа, стоящая выше правительственной власти, какъ исполнительной, такъ и законодательной, надѣлила свои суды правомъ отстаивать личныя права и вольности американскихъ гражданъ отъ произвольныхъ дѣйствій какъ законодательной, такъ и исполнительной власти. Такъ что по отношенію ко всякимъ личнымъ правамъ исполнительная власть по конституціи Соединенныхъ Штатовъ обязана подчиняться рѣшенію этихъ судовъ и примѣнять законы только въ полномъ согласіи съ этими рѣшеніями. Такимъ образомъ всякій законъ, ограничивающій личныя права гражданъ, какъ противорѣчащій основнымъ законамъ государства, совершенно не обязываетъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ исполнять его; и, наоборотъ, въ случаѣ примѣненія къ нимъ со стороны исполнительной власти какихъ-либо дѣйствій, которыя клонятся къ тому, чтобы заставить гражданъ повиноваться такому закону, они могутъ обжаловать дѣйствія исполнительной власти передъ судомъ и посредствомъ рѣшенія суда добиться отмѣны примѣненія дѣйствія закона. Въ Англіи, гдѣ нѣтъ различій между обыкновенными и учредительными или основными законами и гдѣ парламентъ вслѣдствіе этого всегда можетъ издать законъ, ограничивающій личныя права гражданъ, обезпеченіе гражданской свободы отъ посягательствъ на нее законодательной власти зависитъ больше отъ обычая, который пользуется большимъ уваженіемъ англійскаго народа, чѣмъ отъ какого-нибудь положительнаго закона. Въ другихъ же конституціонныхъ

государствахъ охраненіе личныхъ правъ гражданъ хотя и принято въ большинствѣ случаевъ подъ защиту конституціонныхъ законовъ, однако, въ виду того, что измѣненіе этихъ законовъ принадлежитъ законодательнымъ собраніямъ, а не самому народу, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, обезпеченіе личныхъ правъ гражданъ зависитъ, какъ и въ Англіи, отъ законодательной власти. Поэтому охрана личныхъ правъ гражданъ только въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки принадлежитъ дѣйствительно самому народу.

Такимъ образомъ всѣ конституціонныя государства признали такъ или иначе, съ ограниченіями или безъ ограниченій, за своими гражданами личныя права. Истины, провозглашенныя Французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ, въ настоящее время получили признаніе въ большинствѣ просвѣщенныхъ государствъ. Но борьба за права человѣка и гражданина далеко еще не окончена. Однако конецъ этой борьбы уже близокъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ даетъ намъ поучительный примѣръ: когда Роджеръ Вильямсъ выступилъ съ своей проповѣдью о правахъ человѣка и гражданина, американцы еще были далеки отъ мысли, что имъ удастся раньше другихъ народовъ осуществить желаніе этого великаго человѣка. Но условія жизни американскаго народа, способствующія развитію въ немъ самодѣятельности, двигали этотъ народъ къ созданію такого государственнаго устройства, при которомъ онъ самъ принялъ бы непосредственное участіе въ управленіи государствомъ. Американцы раньше другихъ поняли, что только полное признаніе за народомъ личныхъ и политическихъ правъ можетъ подготовить этотъ народъ къ великой политической жизни. Теперь эту истину усвоили и другіе просвѣщенные народы. Вотъ на какомъ основаніи можно надѣяться, что права человѣка и гражданина скоро пріобрѣтутъ полное, ничѣмъ неограниченное признаніе со стороны государства во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ШКОЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“

подъ редакціей **Вл. Львова.**

Юдикъ. Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. Разсказъ *К. Д. Носилова.* Съ 8 рис. Цѣна 15 к.
Оцзи и Олесъ. Разсказъ изъ жизни лопарей. *Н. В. Харузиной.* Съ 5 рис. Цѣна 15 коп.
Въ горахъ Хингана. (Изъ событій въ Манчжуріи въ 1900 г.). Разсказъ *К. Д. Носилова.* Съ 7 рис. Цѣна 10 коп.
Въ неволѣ у туркменъ и хивинцевъ. Разсказъ. Переводъ съ малороссійскаго. Съ 7 рис. Ц. 10 коп.
Въ бурю. (Изъ жизни рыбаковъ). Разсказъ *А. Серафимовича.* Съ 3 рис. Цѣна 10 коп.
Фредъ. Разсказъ *Сергѣя Орловскаго.* Съ 2 рис. Цѣна 15 коп.
Алека или Гдѣ же счастье? Разсказъ (съ французскаго) *М. В. Тиличеевой.* Съ 4 рис. Цѣна 10 коп.
Поль и Виржини. Разсказъ По Бернарденъ де-Сенъ-Пьеру передѣлалъ *Т. Н. Львовъ.* Съ 25 рис. Цѣна 25 коп.
Пееръ и Ульфъ. (Въ горной глуши Норвегіи). Разсказъ Бойезена. Переводъ съ англійскаго. Съ 5 рис. Ц. 10 коп.
„Русскимъ дѣтямъ“. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 15 рис. Ц. 15 к.
Инойя—японскій мальчикъ. Повѣсть. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.
Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. Очеркъ *Василія Львова.* Съ 5 рис. Цѣна 15 коп.
Бѣлка и бѣличій промыселъ. Очеркъ *Василія Львова.* Съ 4 рис. Цѣна 10 коп.
Куница и соболь. Очеркъ *Василія Львова.* Съ 5 рис. Ц. 10 к.
Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. *Владиміра Львова.* Съ 18 рис. Цѣна 20 коп.
Въ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ. *Владиміра Львова.* Съ 19 рис. Цѣна 20 коп.
Падающія звѣзды и кометы. Очеркъ *Владиміра Львова.* Съ 14 рис. Цѣна 15 коп.
Первое знакомство съ географіей Россіи. Уроки и хрестоматія. Составилъ *Владиміръ Львовъ.* Съ 54 рис. и 13 картами. Цѣна 1 руб.
Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ *Сергѣя Орловскаго.* Съ 14 рис. Цѣна 20 коп.
Ломоносовъ. Очеркъ. *А. Кизеветтера.* Съ 7 рис. Ц. 10 к.
Какъ живутъ пчелы. Очеркъ *Владиміра Львова.* Съ 13 рис. Ц. 10 к.
Враги. Разсказъ изъ Русско-Японской войны. *П. Инфантьева.* Съ 2 рис. Ц. 8 к.

Складъ изданій „Школьной Библіотеки“: 1) въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ (Москва, Тверская и Петербургъ, Невскій, 60), и 2) при редакціи журнала „Семья и Школа“ (Москва, Гончарная ул., домъ № 17).

Дозволено цензурою. Москва, 3 декабря 1905 г.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Т. Львовъ. Права человѣка и гражданина. Цѣна 10 коп.

Т. Львовъ. Отвѣтственность министровъ. (Печатается).

Готовятся къ печати дальнѣйшіе выпуски.

ПОПУЛЯРНЫЯ КНИГИ ПО ГЕОГРАФІИ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Вл. Львова.

Первое знакомство съ географіей Россіи. Уроки и хрестоматія. Съ 54 рис. и 13 картами. Цѣна 1 руб.

Новая Земля, ея природа, животный міръ, промыслы и населеніе. Съ 19 рис. и картой Новой Земли. Цѣна 25 коп.

Самоѣды. Очеркъ. Съ 9 рис. Цѣна 15 коп.

Русская Лапландія и русскіе лопари. Географическій и этнографическій очеркъ. Съ 10 рис. и картой Русской Лапландіи. Цѣна 25 коп.

Въ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ. Съ 19 рис. Цѣна 20 коп.

Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. Съ 18 рис. Цѣна 20 коп.

Падающія звѣзды и кометы. Очеркъ. Съ 14 рис. Цѣна 15 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ „ТРУДЪ". Москва, Тверская и Петербургъ, Невскій, 60.